

РОЛЬ КУЛЬТУРНОЙ КОННОТАЦИИ В АДАПТАЦИИ СЕМАНТИКИ ЗАИМСТВОВАННЫХ ОБРАЗОВ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВ 12 ЗНАКОВ ПО ВОСТОЧНОМУ КАЛЕНДАРЮ)

И. А. Проничева

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. Статья посвящена анализу культурных коннотаций лексем, обозначающих животных-символов года по Восточному календарю. Культурные коннотации лексем выражают культурно специфичные оценочные признаки лексем, понятные всем носителям русского языка. В статье сравниваются культурные коннотации зоонимов, обозначающих символы года по Восточному календарю, представленные в китайской и русской культурах. Целью исследования является выявление способов интерпретации образов Восточного календаря, которые используют современные масс-медиа и коммерческие организации для привлечения русскоговорящего потребителя.

Ключевые слова: культурная коннотация, русская лингвокультура, китайская лингвокультура, фразеологизм, гороскоп, массовая культура.

USE OF THE CULTURAL CONNOTATION FOR ADAPTING MEANINGS OF BORROWED SYMBOLS IN THE RUSSIAN CULTURE (ON THE EXAMPLE OF 12 SIGNS OF CHINESE CALENDAR)

I. A. Pronicheva

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Abstract. The article dwells upon the analysis of cultural connotations that belong to lexemes denoting animalistic New Year symbols borrowed from the Chinese calendar. The cultural connotations of lexemes express culturally specific evaluative features of lexemes that are understandable to all native speakers of the Russian language. The article compares cultural connotations of zoonyms denoting New Year symbols of the Chinese calendar, which are present in the Chinese and Russian cultures. The aim of the research is to reveal the means of interpreting Chinese calendar signs, which are used by modern media and commercial organizations to attract Russian-speaking customers.

Keywords: cultural connotation, Russian culture, Chinese culture, idiomatic unit, horoscope, mass culture.

В сознании современного человека соединились опыт предыдущих поколений и отражение новейших культурных и социальных явлений. Благодаря кумулятивной функции языка, т.е. способности языковых единиц накапливать и хранить культурную информацию, представления носителей того или иного языка о различных явлениях отражаются в семантике языковых единиц. Тот факт, что лексические единицы служат не только для передачи информации, но и для воплощения культуры народа, был отмечен лингвистами еще в XIX веке. По мысли

Вильгельма фон Гумбольдта язык выступает в качестве материального экспонента культуры, так как «разные языки – это не разные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» [8, с. 35].

Согласно работам В. Н. Телии, «культурные особенности проникают в языковые знаки через ассоциативно-образные основания их семантики и интерпретируются через выявление связи образов со стереотипами, эталонами, символами, мифологемами, прототипическими ситуациями и другими знаками национальной культуры» [5, с. 25]. Именно система образов, закрепленных в семантике национального языка, является зоной сосредоточения культурной информации в естественном языке.

Одним из способов отображения культурно-национальной специфики языковых единиц является культурная коннотация, которая возникает как результат интерпретации ассоциативно-образного основания фразеологической единицы или лексической единицы посредством соотнесения его с культурно-национальными эталонами и стереотипами.

Ю. Д. Апресян в работе «Коннотации как часть прагматики слова» под коннотацией лексемы понимает «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [1, с. 159]. Апресян полагает, что «коннотации характеризуют, как правило, основные, или исходные значения слов, а материализуются они в переносных значениях» [6, с. 67].

Коннотации вербализуются в переносных значениях, метафорах и сравнениях, производных словах, фразеологических единицах, определенных типах синтаксических конструкций, семантических областях действия одних единиц относительно других. Культурные коннотации узуальны, т.е. понятны всем представителям определенной лингвокультуры. Это способствует употреблению лексем во вторичной номинации (змея – о коварном человеке, баран – об упрямом человеке).

Культурные коннотации, присущие различным объектам и явлениям в русской лингвокультуре, понятны всем носителям русского языка. В связи с этим, культурные коннотации тех же объектов, характерные для других лингвокультур, воспринимаются носителями русского языка как чужеродные, непонятные, экзотические (например, слон как эталон грациозности в индийской культуре). Адаптация образов, представленных в заимствованных источниках, к восприятию русским человеком происходит на основе культурных коннотаций. Таким образом были адаптированы тексты западноевропейских сонников, появившихся в России в XVII веке и получивших широкое распространение в XIX – начале XX века. Современные сонники, основанные на культурных коннотациях ключевых лексем-образов сновидения, остаются популярными по сей день.

Не менее популярной гадательной практикой в современной культуре являются различные гороскопы. В преддверии нового года в продаже появляется разнообразная продукция с изображением символа наступающего года по Восточному гороскопу. Восточный гороскоп получил широкое распространение в России с 1990-х годов. Популярность образов Восточного календаря в России поддерживается в большей степени использованием данных образов в коммерческих целях (изображение животного-символа в печатной продукции, в рекламных роликах и т.д.). Следует отметить, что в китайской культуре, откуда был заимствован Восточный гороскоп, существуют существенные отличия в его интерпретации от той, которую предлагают СМИ и производители сувенирной продукции русскому потребителю.

Прежде всего, в Китае новый год по Восточному календарю наступает не 1 января, а в период с 21 января по 21 февраля (каждый год определяется точная дата). Состав образов Восточного календаря обусловлен высокой значимостью

определенных животных и мифических существ в китайской культуре. Однако для русской культуры некоторые образы являются нетипичными (дракон, обезьяна), а некоторые обладают негативными эмотивно-оценочными коннотациями (крыса, змея, свинья). Одним из доказательств важности Восточного календаря для носителей китайского языка является включение его образов в состав фразеологических единиц, например, «в год обезьяны и месяц лошади» (русским семантическим аналогом данного выражения является «после дождичка в четверг»).

Следует отметить, что далеко не все животные-символы имеют положительные коннотации в русской лингвокультуре. Вместе с тем, использование образов с негативными коннотациями в коммерческих целях непродуктивно. В связи с этим, в современной интерпретации образов Восточного календаря, направленных на русскоговорящего потребителя, на первое место выступают положительные коннотации соответствующих лексем.

Исследователи ранее обращались к вопросу сопоставления культурных коннотаций зоонимов в русском и китайском языках. Однако не можем согласиться с утверждением, что «национальные символические значения, свойственные животным в китайской культуре, оказывают влияние на мировосприятие русских людей» [3, с. 168]. Согласно проведенному нами исследованию, изначальные культурно обусловленные элементы значения зоонимов проходят процесс адаптации к восприятию носителями русского языка.

Рассмотрим подробно культурные коннотации зоонимов-знаков Восточного гороскопа в русской и китайской культурах. Источником фразеологических единиц китайского языка в данной работе является «Словарь привычных выражений современного китайского языка» (автор Кожевников И. Р.).

Первым знаком по Восточному гороскопу является крыса или мышь, что не имеет принципиальных различий для носителей китайской культуры. В китайской культуре с образами крысы и мыши связаны и отрицательные, и положительные ассоциации. В китайской мифологии крыса – одно из самых почитаемых животных. «Возможно, это связано с буддийской легендой, рассказывающей о том, что, когда Будда позвал всех зверей на празднование Нового Года и, соответственно, на прослушивание праздничной проповеди, именно Крыса явилась к нему самой первой (всего пришли двенадцать животных, которые и стали знаками китайского календаря. В мифологии Китая, Японии, Вьетнама, Кореи мышь почитается как один из знаков, приносящих денежный достаток. Получается, что мышь несет в себе положительное значение, олицетворяя собой мудрость, отзывчивость, умение рационально обращаться с деньгами» [4, с. 338].

Лексема «крыса» в китайском языке имеет следующие культурные коннотации: трусость и нерешительность («всего бояться, как крыса»), жестокость и коварство («воробьиный клюв и крысы зубы» (жестокый и алчный человек), ничтожность, низость («печень крысы, лапки насекомого» (ничтожное существо)). Очевидно, что данные коннотации лексема «крыса» в русской культуре отсутствуют.

Образ крысы в русской культуре наделен исключительно негативной семантикой. Данная лексема используется во вторичной номинации для обозначения подлого человека, предателя. Дериваты, употребляемые в разговорной речи, – «крысятничать» (в арго: воровать у «своих») и «окрыситься» (обозлиться) – вербализуют отрицательные эмотивно-оценочные коннотации. Бюрократов и формалистов с презрением называют «канцелярской крысой». Эпитет «крысинный» всегда указывает на отрицательное отношение говорящего к определяемому объекту: «крысиные глазки» (бегающие, жадные), «крысинный хвостик» (о жидких волосах).

Согласно данным русского ассоциативного словаря, у большинства опрошенных лексема «крыса» вызвала следующие ассоциации (в порядке от самого популярного ответа к наименее распространенному): серая, хвост, белая, противная, мерзость, бежит, вор, зверь, мерзкая, грызун, грязь и подобные.

В связи с вышесказанным, образ крысы является крайне непривлекательным для использования в маркетинговых целях. Вероятно, именно поэтому производители сувенирной продукции чаще заменяют лексему «крыса» лексемой «мышь». Также нам встречалось словосочетание «год крыски». В данном словосочетании нивелируется негативная семантика лексемы «крыса», т.к. появляется ассоциация с чем-то веселым, игривым.

В русском языке лексема «мышь» также имеет негативные коннотации, но дескриптивные коннотации отличаются от коннотаций лексемы «крыса». В структуре коннотативного компонента семантики лексемы «мышь» выделяются компоненты «серость, неприметность» и «незначительность», что подтверждается фразеологизмами: «как мышь сидит кто-нибудь» (очень тихо ведёт себя), «мышьяная возня» (о мелких тайных интригах), «серая мышка» (неприметный человек), «мышьяный цвет» (серый). В фольклорных сказках встречается положительный персонаж «мышья-норушка», который ассоциируется с домашним уютом и запашистостью. Отсутствие коннотаций «подлость, предательство» делают образ мыши более привлекательным по сравнению с образом крысы.

В русском ассоциативном словаре представлены следующие ассоциации, вызываемые лексемой «мышь»: серая, белая, кот, кошка, летучая, крыса, грызун, компьютер, серость, бежит, боюсь, в Греческом зале и т.д. Можно сделать вывод, что приведенные ассоциации не содержат негативной оценки образа мыши. Респонденты упомянули кота и кошку как главных врагов мыши, летучую мышь (совершенно другое животное), крысу и даже компьютерную мышь.

Следовательно, с точки зрения маркетинга образ мыши можно представить нейтрально в товарах, рассчитанных на массового потребителя.

Более нейтральную семантику и в китайской, и в русской культуре имеет второй знак Восточного гороскопа – бык. В Китае образ быка ассоциируется с упрямством («бычий нор» (о строптивом человеке), «уперся, как бык в стену рогами» (упрямый человек)), глупостью («играть на цитре перед быком» (о глупом слушателе, который не может понять сути)) и силой («сильный как бык», «желтый вол» (о самоотверженном труженике)).

Культурные коннотации, присущие лексеме бык в русском языке, совпадают с китайскими культурными коннотациями, за исключением коннотации «глупость». В сознании русского человека лексема бык обладает следующими культурными коннотациями: сила, здоровье («бык» во вторичной номинации о сильном человеке мощного телосложения, «здоров как бык») и упрямство («уперся как бык»).

Третьим знаком Восточного календаря является нехарактерный для русской культуры образ тигра. В Китае тигр считается царем зверей и ассоциируется с силой, успехом, а также с могущественным злодеем. Всего в китайском языке около 60 фразеологических единиц с компонентом «тигр». Известны китайские фразеологизмы «улыбающийся тигр» (двуличный человек), «бумажный тигр» (аналог выражения «коLOSS на глиняных ногах», т.е. нечто с виду могучее, но по существу слабое), «принадлежащий к тиграм» (свирепый), «тигр и то бывает дремлет» (аналог выражения «и на старуху бывает проруха»). В китайском языке лексема «тигр» имеет следующие культурные коннотации: сила («спина тигра и поясица медведя» (о здоровом, крепком человеке)), быстрота («как дракон взлетает, как тигр прыгает» (быстро)), выдающиеся способности («тигр и дракон среди людей» (о выдающемся человеке), «спрятавшийся дракон и спящий тигр» (о скрытом таланте)). На внешнем облике тигра основаны положительные коннотации данной лексемы, а на жизненном опыте базируются представления о его коварстве и жестокости [3, с. 170], вербализующиеся в следующих коннотациях: жестокость («помогать тигру пожирать пищу» (быть пособником злодея), «преградивший дорогу тигр» (разбойник)), алчность и жадность («смотреть тигром» (алчно взирать), «как голодный тигр набрасывается на пищу» (жадно)).

В русской лингвокультуре у лексемы «тигр» отсутствуют культурные коннотации. Данное животное обитает только на Дальнем Востоке и, вероятно, в этом регионе есть свои устойчивые выражения, включающие лексемы «тигр», но для носителей русского языка в целом образ тигра воспринимается как нехарактерный, экзотический. Согласно «Русскому ассоциативному словарю», лексема «тигр» вызывает следующие ассоциации у опрошенных: полосатый, кошка, зверь, злой, уссурийский, хищник, красивый, в зоопарке.

Благодаря своему яркому и эффектному внешнему виду, тигр привлекателен как рекламный образ и широко используется в сувенирной, печатной и прочей коммерческой продукции.

Четвертым знаком Восточного гороскопа выступает кот. В китайской фразеологии кот олицетворяет притворство («кот оплакивает мышь» (притворное сожаление) и непорядочность («кот должен ловить мышь, но он не выполняет свою обязанность, а кусает попугая, который дружит с людьми» (о притеснении хорошего человека)). В китайской мифологии и фразеологии кошки упоминаются крайне редко и оцениваются только функционально – как существа, истребляющие мышей.

В русской культуре образ кошки/кота представлен разносторонне: «черная кошка» (плохая примета), «живуч как кошка» (о человеке, выживающем в любых условиях), «как кошка с собакой» (о враждующих людях), «играет как кошка с мышкой» («о том, кто, скрывая своё истинное лицо, то мягок, то жесток с тем, кто от него зависит, кто будет его жертвой» [7, с. 326]), «кошки скребут на сердце» (о состоянии тревоги). Таким образом, можно выделить такие культурные коннотации лексемы кошка, как хитрость и живучесть. В «Русском ассоциативном словаре» представлены следующие ассоциации со с лексемой «кошка»: черная, собака, мышка, Мурка, мягкая, пушистая. Образ кошки/кота как символа года представляется в массовой культуре с опорой на русские культурные коннотации.

Образ дракона является ключевым для китайской культуры, ведь китайцы считают себя потомками дракона. В китайском языке обнаружено более 80 фразеологизмов с ключевой лексемой «дракон». Культурные коннотации, присущие лексеме «дракон» в китайском языке, следующие: сила, власть, авторитет, энергия, величественность («дракон – сын неба» (император), «лелеять мысль о том, что сын станет драконом», т.е. талантливым и знаменитым).

Для русской лингвокультуры образ дракона является чуждым. В фольклорных сказках и былинах встречается персонаж – змей, сильный и разрушающий все вокруг (Змей Горыныч, Тугарин Змей). Современному человеку знаком образ дракона из европейских сказок и произведений в жанре фэнтези. В «Русском ассоциативном словаре» содержатся следующие ассоциации: огонь, огнедышащий, сказка, страшный, зеленый, змей, огненный, трехглавый, большой, Китай [4].

Образ дракона как символа года, представленный в массовой культуре, привлекателен, но для носителей русского языка не имеет особенного культурного смысла, т.к. не обладает культурными коннотациями.

Образ змеи и в китайской, и в русской культуре имеет коннотации «злая», «жестокая», «коварная». В Китае известны фразеологизмы «пригреть змею на груди» (неблагодарный человек), «местная змея» (местный чиновник), «красивая женщина – змея» (красивая и злая) [2, с. 205]. Фразеологизмы «отогрел змейку на свою шейку», «пригрел змею за пазухой», «змея подколотная» распространены в русской лингвокультуре. Также лексема «змея» употребляется во вторичной номинации для обозначения злого, жестокого, коварного человека. В отличие от русского языка, в китайском языке образ змеи наделен таким качеством, как жадность («жадная змея забывает о хвосте» (хвататься за любую выгоду, не думая о последствиях)). Образ змеи вызывает у русских респондентов следующие ассоциации: подколотная, ядовитая, гадюка, кобра, длинная, ползет.

Несмотря на отрицательные эмотивно-оценочные коннотации, в китайской культуре образ змеи наделен и положительным качеством – мудростью («жемчужина чудесной змеи» (ум, остроумие)). В массовой культуре для носителей русского языка змею как символ года представляют в положительном свете, акцентируя внимание на мудрости змеи.

Лошадь исторически выполняла разные функции у русских и китайцев. Для китайцев лошадь – средство передвижения, широко используемое на войне, а для русских – животное, незаменимое для сельского хозяйства. Культурные коннотации лексемы «лошадь» отражают данные различия. В русском языке лексема лошадь имеет культурные коннотации «трудолюбие», «выносливость» («ломовая лошадь» (самоотверженный труженик), «рабочая лошадка» (трудолюбивый человек), «работать как лошадь» (много и тяжело работать)). В китайском языке лексема «лошадь» имеет коннотации «талантливый лидер» («превосходный конь ведет табун лошадей» (лидер)), «здоровый и энергичный» («крупный, как лошадь»). В современной массовой культуре образ лошади как символа года воплощает и русские, и китайские коннотации, так, как и те, и другие представляют данный образ с положительной стороны.

В китайском языке коза и овца обозначаются одним иероглифом и ассоциируются с кротостью и покорностью («гнать овец воевать с волками» (слабые покорно идут на борьбу с сильными), «овца пришла к тиграм» (слабый человек попал в руки злодея)). В русской лингвокультуре лексема «коза» имеет культурные коннотации «строптивая», «своевольная» (употребление лексемы «коза» во вторичной номинации для обозначения стропливой женщины), а лексема «овца» имеет коннотации «покорный», «недостойный» («паршивая овца», «с паршивой овцы хоть шерсти клок», «паршивая овца все стадо портит»). В современной русской массовой культуре овца/коза как символ года представляются на основе коннотаций, характерных для русского языка.

В китайском языке лексема «обезьяна» имеет коннотации «торопливость, озорство, непоседливость» («принадлежащий к обезьянам» (непоседливый)), глупость («увидев луну в колодеце, обезьяны считали, что луна упала в колодец, и пытались ее выловить» (о глупом человеке)). В русском языке обезьяной называют человека, который кривляется, передразнивает других, подражает другим. Данная лексема не обладает ярко выраженными культурными коннотациями, т.к. обозначаемое ею животное не обитает в России и знакомо носителям русского языка по книгам, фильмам и походам в зоопарк. Лексема «обезьяна» вызывает у респондентов весьма разрозненные ассоциации: макака, человек, животное, джунгли, зоопарк, банан, в клетке.

В массовой культуре обезьяна как символ года представлена как забавное, безобидное, озорное существо, что основано на воплощении образа этого животного в фильмах, мультфильмах, художественных произведениях и т.д.

Лексема «петух» и в русской, и в китайской культуре имеет коннотации «задиристость, боевитость» (русские ФЕ «ходить петухом» (с гордым и важным видом) [7, с. 632]), «петушиный голос» (звонкий), «петушиный задор» (задиристое поведение), китайские ФЕ «два петуха в одном доме делают жизнь невыносимой» и др.). В массовой культуре воплощение образа петуха как символа года не только отражает культурные коннотации, но и акцентирует внимание на его ярком внешнем виде.

Образ собаки в русской культуре воспринимается двояко. С одной стороны, собака – верный друг человека («собачья преданность», «собака – друг человека»), но, в то же время, собака может быть злой («злой, как собака») и олицетворять низость («жить как собака»). Данная лексема используется при обозначении различных неприятных состояний («устал, замерз как собака», «надоед как собака»). Во вторичной номинации лексема «собака» используется для обозначения злого и

неприятного человека. Таким образом, отрицательные эмотивно-оценочные коннотации лексемы «собака» преобладают над положительными. Среди всех ассоциаций с лексемой «собака», представленных в русском ассоциативном словаре, на первом месте с наибольшим числом респондентов находится ассоциация «злая».

В китайском языке употребление слова «собака» по отношению к человеку считается оскорблением, так как сочетает в себе коннотации «подлость, низость, злость, недостойное поведение». В древнем Китае собака причислялась к нечистым существам, поэтому существует много ФЕ с отрицательной семантикой («из собачьей пасти не жди слоновьей кости» (не жди доброго слова от плохого человека), «собака кусает собаку – полная пасть шерсти» (никчемная ссора), «грязный, как свинья и собака, все тело покрыто грязью» (низкий, подлый человек)) [3, с. 175].

В современной русской массовой культуре образ собаки как символа года преподносится с опорой на положительные коннотации данного образа (собака – верный друг, охраняет дом и т.д.).

Двенадцатым образом Восточного календаря является образ свиньи. В русской культуре лексема «свинья» имеет исключительно отрицательные эмотивно-оценочные коннотации: «нечистоплотность», «глупость» («грязный как свинья», «свинья грязь найдет», «свинарник» (грязное помещение), разг. «насвинячить» (устроить беспорядок), во вторичной номинации «свинья» (о грязном человеке или о человеке, поступающем непорядочно), «поступить по-свински» (непорядочно), «метать бисер перед свиньями» (напрасно говорить о чём-либо или доказывать что-либо тому, кто не способен или не хочет ни понять). В китайском языке лексеме «свинья» присущи коннотации «неопрятность», «грубость», «прожорливость» («принадлежащий к свиньям» (прожорливый)). В современной русской массовой культуре образ свиньи как символа года выступает в значении достатка (свинья-копилка), нехарактерном для русской лингвокультуры. Использование образа свиньи, основанного на культурных коннотациях лексемы «свинья», сделает сувенирную, книжную, рекламную и прочую продукцию непривлекательной для потребителя.

В заключение следует отметить, что Восточный гороскоп в России стал неотъемлемой частью современной культуры, однако, он прошел процесс переосмысления через призму восприятия китайских животных-символов года русским человеком с его культурными и морально-этическими установками. Важную роль в процессе адаптации образов заимствованного гороскопа играют культурные коннотации соответствующих лексем.

Список источников и литературы

1. Апресян Ю. Д. *Основные идеи современной семантики // Избранные труды: в 2 т. Т. 1: Лексическая семантика: синонимические средства языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995. С. 6–55.*
2. Кожевников И. Р. *Словарь привычных выражений современного китайского языка. М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. 333 с.*
3. Михайлова Ю. Н., Чжао И. *Культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, № 4. С. 168–181.*
4. *Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс] // Информационная система когнитивных экспериментов: [сайт]. 2009–2012. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 20.11.2019).*
5. Суван-оол Е. С., Лебедева И. О. *Образ мыши как отражение характерных черт облика и характера человека в русской и китайской культуре (на материале*

фразеологизмов русского и китайского языка) // Молодой ученый. 2012. № 12. С. 336–339.

6. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
7. Токарев Г. В. Лингвокультурология : учеб. пособие. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2009. 135 с.
8. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Русский язык, 2000. 986 с.
9. Хроленко А. Т. Лингвокультуроведение : учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 2005. 184 с.

References

1. Apresyan Yu. D. Osnovnyye idei sovremennoy semantiki [Basic Ideas of Modern Semantics]. *Izbrannyye trudy: V 2 t. Tom I: Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskiye sredstva yazyka* [Selected Works: in 2 vols. Vol. I: Lexical Semantics. Synonymic Means of Language]. Moscow: Sh. «Yaz. rus. kultury» publ, 1995, pp.135–155. [In Russian].
2. Kozhevnikov I. R. *Slovar' privychnykh vyrazheniy sovremennogo kitayskogo yazyka* [Dictionary of Common Expressions of the Modern Chinese Language]. Moscow: AST: Vostok – Zapad publ, 2005. 333 p. [In Russian].
3. Mikhailova Yu. N., Zhao I Kul'turnyye konnotatsii zoonimov v russkoy i kitayskoy frazeologii [Cultural Connotations of Zoonyms in Russian and Chinese Idioms]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta* [Ural Federal University Bulletin]. Series 2: Humanities, 2016, pp. 168–181. [In Russian].
4. *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian Associative Dictionary]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (accessed: 20.11.2019). [In Russian].
5. Suvan-ool E. S., Lebedeva I. O. Obraz myshi kak otrazheniye kharakternykh chert oblika i kharaktera cheloveka v russkoy i kitayskoy kul'ture (na materiale frazeologizmov russkogo i kitayskogo yazyka) [The Image of a Mouse as the Reflection of Typical Features of Appearance and Character of a Human in the Russian and Chinese Cultures (based on Russian and Chinese Idioms)]. *Molodoy Uchenyy*, 2012. No. 12. Pp. 336–339. [In Russian].
6. Teliya V. N. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh yedinit* [Connotative Aspect of Semantics of Nominative Units]. Moscow: Nauka publ, 1986. 142 p. [In Russian].
7. Tokarev G. V. *Lingvokul'turologiya: Ucheb. posobiye* [Linguistic and Cultural Studies: Textbook]. Tula: Izd-vo Tul.gos.ped.un-ta im. L. N. Tolstogo publ, 2009. 135 p. [In Russian].
8. Ushakov D. N. (Ed.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy Yazyk publ, 2000. 986 p. [In Russian].
9. Khrolenko A. T. *Lingvokul'turovedeniye: Ucheb. posobiye* [Linguistic and Cultural Studies: Textbook]. Moscow: Flinta; Nauka publ, 2005. 184 p. [In Russian].

Сведения об авторе

Проницева Инна Александровна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» (e-mail: kafedra.rki@tspu.ru).

Information about the Author

Pronicheva Inna Alexandrovna, senior lecturer of the Department of Russian as a Foreign language of the Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (e-mail: kafedra.rki@tspu.ru).